

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Ю.Е. Федорова

ПУТЬ К ИСТИНЕ: СТРУКТУРА ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭМЫ "ЯЗЫК ПТИЦ" ФАРИД АД-ДИНА 'АТТАРА (XII в.)

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу структурной организации поэмы «Язык птиц» персидского суфийского поэта и философа Фарид ад-Дина Аттара, жившего на рубеже XII-XIII веков. Эта поэма является одним из самых известных сочинений 'Аттара и по праву считается образцом суфийской дидактической поэмы. Поэма «Язык птиц» представляет собой аллегорическое описание суфийской концепции богопознания, в основе которого лежит рассказ о путешествии птиц ко двору их царя Симурга. Это аллегорическое описание может быть переосмыслено и переведено на философский язык. В этом случае ключевой проблемой поэмы станет именно проблема истины (хакикат), и структура всего произведения может быть осмыслена в контексте суфийской концепции пути к Истине.

Ключевые слова: философия, исламская философия, Фарид ад-Дин 'Аттар, поэма «Язык птиц», путь к Истине, богопознание, суфийская дидактическая поэма, средневековая персидская поэзия, Симург, семь долин.

В настоящей статье будут рассмотрены структурные особенности философской поэмы «Язык птиц» (*Мантик ат-тайр*) Фарид ад-Дина 'Аттара, одного из крупнейших суфийских поэтов и мыслителей Ирана конца XII — начала XIII вв. Поэма «Язык птиц» занимает особое место среди всех произведений 'Аттара не только благодаря красивому сюжету, но и в силу значимости излагаемых в ней философских идей, рассмотрение которых позволяет выявить особенности иранского суфизма. Одной из ключевых философских проблем этого произведения, безусловно, является понимание и описание 'Аттаром характера соотношения мира и Бога, множественного и единого бытия, что раскрывается через соотношение поэтических конструктов *си мург* (тридцать птиц) и *Симург* (царь птиц).

Осуществленный нами анализ текста поэмы «Язык птиц» позволяет утверждать, что способ постановки этой философской проблемы, как и экспликация механизма ее решения Фарид ад-Дином 'Аттаром, напрямую связаны со структурой поэмы. Мы рассмотрим, как организована поэма, проследим, как связаны между собой отдельные главы, и укажем, в какие смысловые

блоки их можно объединить. Прояснение этих вопросов поможет нам увидеть внутреннюю логику поэмы «Язык птиц», которой подчинены и философская проблематика, и система поэтических образов.

Полное имя автора поэмы, Фарид ад-Дина 'Аттара — Абу Хамид Мухаммад ибн Абу Бакр Ибрахим. «'Аттар» — это поэтический псевдоним Фарид ад-Дина. Согласно традиции того времени, каждый, кто посвящал себя литературному творчеству, должен был избрать себе или получить от кого-нибудь (своего учителя, покровителя и т.п.) поэтический псевдоним¹. Фарид ад-Дин содержал небольшую аптечную лавку, где продавал лекарства и благовония (*'атр*), за что и получил прозвище *'Аттар*, т.е. «парфюмер», «аптекарь».

Существует немало сомнений и разногласий относительно фактов биографии 'Аттара, количества написанных им литературных произведений и времени их создания, принадлежности поэта к суфизму и т.д. Эти затруднения связаны прежде всего с недостаточностью достоверных сведений о

---

¹ Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 176.

жизни и творчестве Фарид ад-Дина. Исторических свидетельств об 'Аттаре почти не сохранилось, а сочинения поэта содержат очень мало информации о нем самом, его современниках или исторических событиях². Крупный историк персидской литературы Бади' аз-Заман Фурузанфар³ посвятил Фарид ад-Дину 'Аттару отдельное исследование, где отмечает, что поэт родился в 1145-46 г., а погиб около 1221 г. Известно также, что 'Аттар был родом из селения Кадкан, расположенного в местности Зарванд, близ города Нишапура⁴. Этот город считался одним из важнейших культурных и интеллектуальных центров не только Хорасана⁵, но и всего исламского мира. Кроме того, провинция Хорасан, а в особенности город Нишапур, были широко известны и как центры исламского мистицизма⁶.

Фарид ад-Дин 'Аттар был сыном преуспевающего аптекаря и врача Ибрахима Абу Бакра и после смерти отца продолжил его дело. Имущественное благополучие позволило будущему поэту получить блестящее по тем временам образование. В то же время он выказывал немалый интерес к медицине и фармацевтике. Вскоре Фарид ад-Дин 'Аттар стал самостоятельно заниматься врачеванием. Тем не менее ему удавалось находить время и для литературного творчества. К тому времени в Иране были уже широко известны поэмы Сана'и, а из Ирака в Хорасан начали проникать философско-дидактические поэмы Низами Ганджави («Сокровищница тайн») и Хагани Ширвани («Подарок двух Ираков»). Возможно, что чтение и изучение этих поэмов подтолкнуло 'Аттара к написанию собственных

суфийских поэм⁷. Так, в поэме «Книга тайн» поэт отмечал, что «многие из своих сочинений писал в аптеке, где его осаждали, прося совета и лекарства, более пятисот пациентов»⁸.

Благодаря успешной торговле лекарствами и медицинской практике 'Аттар был вполне обеспечен, что избавило его от забот о пропитании и крыше над головой. 'Аттар решительно отказывался от профессионального занятия поэзией, не стремился стать придворным панегиристом. Позже в одной из поэм он отмечал, что «за всю жизнь...его перо ни разу не было осквернено славословием власть имущих»⁹. Фарид ад-Дина 'Аттара совершенно не привлекали политические проблемы, его живой интерес всегда вызывали вопросы религиозного и философского характера.

Спустя некоторое время 'Аттар решил оставить аптечное дело и отправился в странствия, чтобы, вероятно, приобщиться к суфийской мудрости. Интерес к суфийским идеям и суфийскому образу жизни проявился у Фарид ад-Дина 'Аттара еще в раннем детстве. Уже тогда будущий поэт с почтением относился к суфийским святым и считал их своими духовными наставниками¹⁰. Доподлинно неизвестно, как долго продолжались странствия 'Аттара, жил ли он в суфийской общине или встречался с суфийскими шейхами. Одно можно сказать точно: вернувшись в Нишапур, Фарид ад-Дин 'Аттар всецело посвятил себя духовной практике суфиев и поэтическому творчеству.

В преклонном возрасте 'Аттар вел уединенный образ жизни и уже не покидал родной город. Именно тогда и произошла, согласно легенде, его встреча с Джалал ад-Дином Руми, который вместе с отцом направлялся на поклонение святым местам в Мекку и Медину. Престарелый 'Аттар подарил юному Джалал ад-Дину рукопись своей поэмы «Книга тайн». Существует много преданий о тра-

² Fifty poems of 'Attār / texts, translations and analysis by Kenneth Avery and Ali Alizadeh. Melbourne: re.press, 2007. P. 3.

³ Furuzanfar, B. Sharh-i ahwal wa naqd-u tahlil-i athar-i Shaykh Farid al-Din Muhammad 'Attar-i Nishapuri. 2nd ed. Tehran, 1994. P. 7.

⁴ Manteq at-Tayr/Attar (Farid ad-Din Muhammad ben Ibrahim Nishaburi); muqaddamah, tashih va taaliqat-i Muhammad Reza Shafii Kadkani. Tehran, 2009. P. 32.

⁵ Хорасан – историческая область на северо-востоке Ирана. Во времена 'Аттара провинция (остан) Хорасан, наряду с Систаном, Хорезмом и Мервским оазисом, входила в состав султаната Великих Сельджукидов, которым правил султан Санджар (1118-1157 гг.) Согласно историческим свидетельствам, одна из резиденций султана Санджара находилась в городе Нишапуре.

⁶ Smith, M. The Persian Mystics: 'Attār. The Wisdom of the East. Felinbach. UK: Llanerch, 1995. P. 11.

⁷ Attar and the Persian Sufi Tradition: the art of spiritual flight/ edited by Leonard Lewisohn and Christopher Shackle. London; New York: I.B. Tauris; London: in association with the institute of Ismaili Studies, 2006. P. XVIII.

⁸ Furuzanfar, B. Sharh-i ahwal wa naqd-u tahlil-i athar-i Shaykh Farid al-Din Muhammad 'Attar-i Nishapuri. 2nd ed. Tehran, 1994. P. 39.

⁹ Бертельс Е.Э. Книга о соловье (Булбул-наме) Фарид ад-Дина 'Аттара // Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. С. 340.

¹⁰ Mantiq al-tayr. Asar-i Farid al-Din 'Attār Nishapuri. Bar asas-i nushe-i Paris. Tashih va sharh: duktur Kazim Dizfuliyan. Tehran: Istisharat-i Tilayia, 1998. P. 22.

гической кончине 'Аттара, и все они повествуют о том, что он погиб от руки монгольского воина при захвате Нишапура в 1221 г.¹¹ и был похоронен недалеко от своего родного города.

Вопрос о литературном наследии 'Аттара продолжает оставаться предметом оживленных дискуссий: до сих пор нет единого мнения относительно количества написанных им литературных произведений, кроме того, есть немало поэм, приписываемых 'Аттару, однако их авторство точно не установлено.

Значительно меньше разногласий возникает у исследователей относительно крупных поэтических сочинений Фарид ад-Дина. Профессор Бади' аз-Заман Фурузанфар указывает, что 'Аттар составил большой сборник лирической поэзии (*диван*)¹² и написал шесть серьезных поэтических произведений: «Книга тайн» (*Асрар-наме*), «Язык птиц» (*Мантик ат-тайр*), «Книга печали» (*Му-сибат-наме*), «Книга о божественном» (*Илахи-наме*), «Книга избранного» (*Мухтар-наме*)¹³, «Книга о Хосрове» (*Хусрау-наме*), а также одно крупное прозаическое, — «Поминания святых» (*Тазкират ал-аулийя*).

Поэма «Язык птиц» (*Мантик ат-тайр*) — одно из самых известных сочинений 'Аттара, которое по праву считается образцом суфийской дидактической поэмы. Несмотря на важность этого литературного памятника для средневековой поэтико-философской традиции, мы не располагаем точными сведениями о времени создания поэмы. Французский исследователь Франсуа де Блуа опирается на свидетельство самого 'Аттара, который упоминает, что завершил работу над этим сочинением в 1178 г.¹⁴

Наряду с прозаическим сочинением «Поминания святых», эта поэма неоднократно переводилась на европейские и восточные языки, в частности на

арабский¹⁵. Среди наиболее известных европейских переводов *маснави* «Язык птиц» можно выделить работы: Гарсена де Тасси¹⁶ (1863), впервые осуществившего перевод поэмы на французский язык, и Эдварда Фицджеральда¹⁷ (1889), который стал автором первого поэтического перевода поэмы на английский язык. Кроме того, необходимо отметить еще две англоязычные работы: поэтический перевод Д. Дэвиса и А. Дарбанди¹⁸ (1984), а также прозаический комментированный перевод П. Эвери¹⁹ (1998), который является первым научным переводом поэмы.

До недавнего времени русскоязычные читатели могли познакомиться с поэмой «Язык птиц» только по переводам отдельных ее частей и частичному пересказу, которые были выполнены в исследованиях отечественных иранистов Е.Э. Бертельса²⁰ и А.Е. Бертельса²¹. Некоторые сведения о *маснави* 'Аттара можно было также почерпнуть из изданного на русском языке перевода поэмы Мир Али Шира Навои «Язык птиц» (*Лисан ат-тайр*)²², которую он написал под влиянием *маснави* 'Аттара. Только в 2009 г. был впервые опубликован перевод поэмы на русский язык под названием «Логика птиц»²³, выполненный

¹⁵ Mantiq al-tayr li-Farid al-Din 'Attar al-Naysaburi. Dirasa va tarjama al-duktur Badi' Muhammad Jum'a. Beirut, 1980.

¹⁶ Farid al-Din 'Attar, Joseph Héliodore Garcin de Tassy. Mantic Uttair ou le langage des oiseaux: poème de ilosophie religieuse. Paris: Impr. Impériale, 1863.

¹⁷ Bird Parliament by Farid ud-Din Attar translated by Edward Fitzgerald first published in Letters and Literary emains of Edward Fitzgerald (William Aldis Wright, ed.) London and New York: Macmillan and Co., 1889. <http://www.sufi.ws/books/download/english/attar-en/bird-parliament-en.pdf>. Дата обращения 13.06.2012.

¹⁸ Aṭṭār, Farīd al-Dīn. The Conference of the Birds. Translated with an introduction by Afkham Darbandi and Dick Davis. The Penguin classics. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books, 1984.

¹⁹ Aṭṭār, Farīd al-Dīn. The Speech of the Birds. Translated by Peter Avery. Islamic Texts Society, Cambridge, 1998.

²⁰ Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.

²¹ Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV вв. М., 1997.

²² Навои А. Язык птиц / Пер. С.Н. Иванов. 2-е изд. СПб: Наука, 2007.

²³ Аттар, Фарид ад-Дин Мухаммад. Логика птиц / Пер. с персидского. М.: Номос, 2009.

¹¹ Furuzanfar, B. Sharh-i ahwal wa naqd-u tahlil-i athar-i Shaykh Farid al-Din Muhammad 'Attar-i Nishapuri. 2nd ed. Tehran, 1994. P. 91.

¹² Attar and the Persian Sufi Tradition: the art of spiritual flight/ edited by Leonard Lewisohn and Christopher Shackle. London; New York: I.B. Tauris; London: in association with the institute of Ismaili Studies, 2006. P. XVIII.

¹³ Это сборник руба'и, в который 'Аттар по просьбе друзей отобрал около трети из шести тысяч четверостиший и разделил их на пятьдесят глав в соответствии с определенной темой.

¹⁴ Persian Literature - A Biobibliographical Survey: Volume V, Poetry of the Pre-Mongol Period by François de Blois, Second, Revised edition, Routledge, 2004. P. 240.

М. Борзуи. С нашей точки зрения, это издание все же не может служить надежной основой для адекватного представления о философских взглядах Фарид ад-Дина 'Аттара. Во-первых, в этом издании представлен неполный перевод поэмы, и важные с философской точки зрения отрывки по какой-то причине отсутствуют. Во-вторых, этот перевод не всегда верно отражает содержание персидского источника, а в-третьих, текст перевода практически лишен комментария, и потому это издание нельзя считать научным в строгом смысле этого слова. В данной статье мы опишем структуру поэмы «Язык птиц», опираясь на собственный перевод ее ключевых фрагментов.

Поэма «Язык птиц» Фарид ад-Дина 'Аттара написана в жанре *маснави*. Именно этот жанр, столь популярный в персидской литературе, во многом определил сюжетную линию поэмы, ее структуру, тематику и способ изложения философского материала. Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать особенности этого литературного жанра.

Рождение жанра суфийской дидактической поэмы было тесно связано с появлением суфизма в Иране. Именно тогда и возникла потребность в распространении суфийских идей, их систематизации и популяризации. Жанр *маснави* стал для персидских авторов излюбленной формой выражения суфийского знания. Родоначальником этого литературного жанра в персидской литературе принято считать Сана'и (умер в 1140 г.). Уже в сочинениях Сана'и закладываются важные структурные элементы дидактической поэмы и обнаруживаются ее характерные черты, которые впоследствии будут доведены до совершенства в поэмах 'Аттара. Известный отечественный ученый-иранист Е.Э. Бертельс указывает, что дидактической поэзии Сана'и были свойственны две основные формы: первая — суфийская проповедь, вторая — аллегорическая поэма²⁴.

В основе первой лежат изречения суфийских шейхов. В них отсутствует определенная тематика, нет четкой последовательности изложения. Так, поэма Сана'и «Сад истин» (*Хадикат ал-хакаик*), написанная в подобной форме, представляет собой собрание различных проповедей, каждую из которых иллюстрирует небольшой рассказ (*хикаят*).

²⁴ Бертельс Е.Э. Основные линии развития суфийской дидактической поэмы в Иране // Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. С. 74.

Вторая форма поэм Сана'и, наоборот, имеет логически выверенную структуру и представляет собой «развернутую аллегорию», если использовать терминологию Бертельса. Примером может служить поэма «Странствие рабов [божьих] к месту возврата» (*Сайр ал-ибад ила-л-ма'ад*), в которой описываются этапы духовного пути суфия. Тема «духовного странствия» станет впоследствии «самой излюбленной в суфийской поэзии»²⁵ и будет воспринята и детально развита 'Аттаром в поэме «Язык птиц». Именно 'Аттар станет подлинным создателем суфийской поэмы. Ему удастся объединить в рамках одного произведения (поэма «Язык птиц») две формы поэмы, использованные ранее Сана'и, и создать сплав аллегории и суфийской притчи.

Поэма 'Аттара «Язык птиц», конечно, не философский трактат в привычном смысле этого слова, но некоторые черты сходства с ним все-таки присутствуют, что и позволяет рассматривать ее как объект философского анализа. Это сочинение представляет собой законченное поэтическое произведение, в котором все подчинено решению конкретной философской задачи — истолкованию основополагающего постулата суфийского учения о единстве бытия (*вахдат ал-вуджуд*). Описывая структурные особенности сочинений Фарид ад-Дина, Е.Э. Бертельс отмечает: «С самого начала поэмы он ('Аттар. — Ю.Ф.) вполне сознательно преследует определенную цель, причем все детали даются в полном соответствии с основной идеей произведения»²⁶. В поэме «Язык птиц» суть основной идеи состоит в том, чтобы дать «аллегорическое описание суфийского странствия»²⁷ к Истине и подробный анализ состояний человеческой души, совершающей это странствие. Более того, это аллегорическое описание может быть переосмыслено и переведено на философский язык. В этом случае ключевой проблемой поэмы станет именно проблема истины (*хакикат*), и структура всего произведения может быть осмыслена и описана в контексте суфийской концепции пути к Истине.

Кроме того, необходимо отметить и наличие четкой композиции в данной поэме. Одним из композиционных элементов поэмы «Язык птиц» яв-

²⁵ Там же. С. 75.

²⁶ Бертельс Е.Э. Основные линии развития суфийской дидактической поэмы в Иране // Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. С. 75.

²⁷ Там же. С. 76.

ляются разнообразные по тематике вставные рассказы (*хикайат*), число которых приближается к двум сотням. 'Аттар вводит притчи в повествование после каждого смыслового фрагмента в качестве пояснения ключевого образа или философского понятия. Важно отметить еще одну характерную особенность вставных притч. Они наглядно иллюстрируют мысль 'Аттара, но при этом не являются стержневым элементом всей поэмы, в отличие, к примеру, от «Книги о божественном» (*Илахинаме*). В этой поэме именно притчи составляют смысловой каркас. Читая и изучая «Язык птиц», вставные рассказы можно опустить, но внутренняя связь поэмы не нарушится²⁸. Руководствуясь подобными соображениями, в данной статье мы сосредоточим основное внимание на описании общей логической структуры поэмы и рассмотрении ее важных смысловых фрагментов, без учета поясняющих их рассказов.

В структуре поэмы «Язык птиц» выделяются три основных части²⁹:

- 1) вступление;
- 2) повествование;
- 3) заключение.

Остановимся подробнее на структуре каждой части поэмы. Это поможет нам составить общее представление о развитии сюжета.

Вводная часть к поэме «Язык птиц» написана в соответствии с персидским литературным канонem. Открывает вступление традиционное славословие Господу. Оно включает описание сотворения мира и человека, историю о падении Иблиса, отказавшегося поклониться первому человеку, изгнание Адама из рая и т.п. Далее следует восхваление пророка Мухаммада и описание его *мираджа*, после чего 'Аттар обращается с хвалебной речью к четырем праведным халифам: Абу Бакру, Умару, Усману и Али.

Самый крупный раздел *маснави* «Язык птиц» посвящен основному повествованию. Основная часть поэмы состоит из сорока пяти глав (*макале*), каждая из которых сопровождается одним или несколькими рассказами-притчами. Эта часть поэмы посвящена описанию путешествия птиц, отправившихся на поиски своего царя Симурга.

В первой главе основной части 'Аттар в форме приветствия дает характеристику главным действующим лицам поэмы. Перед нами открывается целая галерея, состоящая из образов следующих птиц: удод (*худхуд*), горлица (*мусиче*), попугай (*тутти*), куропатка (*кабк*), быстрый сокол (*никбаз*), турач (*дуррадж*), соловей (*ангалиб*), павлин (*тавуус*), фазан (*тазарв*), горlinkка (*кумри*), кукушка (*фахте*), сокол (*баз*) и золотая птица (*марг-и заррин*).

На приветствие каждой отдельной птицы 'Аттар отводит по пять бейтов. Отталкиваясь от поэтического описания птиц, поэт развивает суфийскую тему «обуздания души, побуждающей ко злу» (*нафс*)³⁰ и привлекает для ее иллюстрации богатый коранический материал, в частности, истории и легенды о пророках. Анализ данных поэтических описаний позволяет выявить два аспекта смысла — «явного», связанного с кораническим пониманием того или иного сюжета, и «скрытого», который «проявляется» благодаря его суфийскому истолкованию. Таким образом, в первой главе поэмы 'Аттар в метафорической форме описывает состояние души суфия, который только вступает на путь Истины.

Во второй главе 'Аттар намечает общую сюжетную линию поэмы: птицы со всего мира собираются вместе, чтобы найти себе царя. Потребность в царе является в понимании 'Аттара отправной точкой духовного странствия. Птицы еще не знают, каков их царь, но уже выказывают единодушное желание объединиться и найти его. Удод объясняет, что царь птиц зовется Симургом. Он есть и всегда был, только сами птицы до этого момента не подозревали о Его существовании и не стремились Его найти.

Известно, что поэтический образ птицы-Симург глубоко укоренился в иранской культуре. «Симург» появился еще во времена зороастризма и упоминается в Авесте. Там он описывается как гигантская птица, восседающая на мировом древе. Затем этот образ был воспринят персидской литературой и поэзией. Упоминание о Симурге можно встретить в «Шах-наме» Фирдоуси, «Рисалат ат-Тайр» Ахмада аль-Газали и т.д. В поэме 'Аттара Симург как сложный поэтический конструкт вообрал в себя те атрибуты, которые традиционно считаются присущими Богу. Симург — вечный,

²⁸ Там же. С. 79.

²⁹ Такова структура поэмы, представленная в издании: Mantiq al-tayr. Asar-i Farid al-Din Attar Nishapuri. Bar asas-i nushe-i Paris. Tashih va sharh: duktur Kazim Dizfuliyan. Tehran: Istisharat-i Tilayia, 1998. Перевод поэмы был выполнен по данному изданию. Сам 'Аттар не разделял поэму на главы.

³⁰ Понятие «души, побуждающей ко злу» (*нафс*) встречается в Коране (К., 12:53): «Я не оправдываю свою душу, — ведь душа побуждает ко злу, если только не помилует Господь мой...».

абсолютный и всемогущий царь, обладает красотой и совершенством. Никто не может сравниться с Симулгом и разделить с Ним его власть. Имя Симулга невозможно выразить словами. Разум не может стать источником Его познания. Согласно исламской традиции у Бога девяносто девять прекрасных имен, одно из которых, «Истина/Истинный» (*ал-хакк*), довольно часто упоминает и 'Аттар. Таким образом, понятия Симулга и истины оказываются у 'Аттара тождественными, а поэтическое описание Симулга выводит на важнейшую философскую проблему — проблему истины. В поэтическом аспекте эта проблема раскрывается через описание странствия птиц к их царю Симулгу, а в философском — истолковывается как понимание истинного соотношения мира и Бога. Завершается эта глава притчей о явлении Симулга миру. Услышав эту притчу, птицы понимают, как велик их царь-Симулг. Они полны решимости отправиться на поиски своего Повелителя.

Главы с третьей по тринадцатую можно объединить в один смысловой блок под названием «Извинения птиц». В него входят одиннадцать бесед, выстроенных вокруг описания сомнений птиц. Путешествие к Симулгу представляется им слишком длинным, трудным и опасным. Поэтому каждая из птиц пытается найти себе какое-нибудь оправдание, чтобы объяснить, почему она не может участвовать в путешествии, а удода, в свою очередь, старается их вразумить и переубедить.

Все беседы выстроены по определенной схеме: сначала идет извинение птицы, затем следует ответ удода, а после — притча, поясняющая его слова. Особое место в этом разделе занимает тринадцатая глава. Теперь уже все птицы, а не каждая в отдельности, обращаются к удоде с просьбой рассказать, как они связаны с Симулгом. В ходе беседы выясняется, что природа связи Симулга и птиц такова: птицы по облику своему (*сурат*) — тень Симулга. И пока птицы не уразумели этого и продолжают осознавать свою самостоятельность, им не под силу понять «связь» с Симулгом. Иными словами, только утратив свою субстанциональность птицы смогут увидеть себя тем, кем по сути являются, т.е. отражением Бога-Симулга. Более того, удода доказывает птицам, что только Симулг обладает подлинным бытием, и потому нужно стремиться к Нему, чтобы обрести это подлинное бытие.

Вслед за ней идет четырнадцатая глава, которая является отправной точкой странствия как такового. До этого момента птицы вели с удодом

бесчисленные беседы, которые в конечном итоге укрепили их уверенность в том, что их главная цель — путешествие, а по сути своей, возвращение к Симулгу. В этой главе удода дает птицам последние наставления перед началом долгого странствия и поясняет, что одолеет его только тот, кто встанет на путь преданной любви, отречется от самого себя, будет безропотно выполнять все повеления и с благодарностью принимать выпавшие на его долю испытания и унижения. Иллюстрацией к словам удода служит «Притча о шейхе Сан'ане» — самый большой по объему и чрезвычайно важный в композиционном и смысловом отношении рассказ поэмы³¹.

Пятнадцатую и шестнадцатую главы можно объединить в один смысловой блок под названием «Последние приготовления к странствию». Птицы, воодушевленные услышанной притчей, бросают жребий и выбирают удода своим предводителем, обещая повиноваться ему во всем. Наступает решающий момент в движении поэтического повествования — птицы наконец-то отправляются в путешествие к Симулгу. Постепенно птиц начинают одолевать страхи, которые мешают им продолжать путь. Они просят удода помочь им очистить сердца от сомнений. Удода терпеливо отвечает на многочисленные вопросы птиц.

Далее следует довольно большой фрагмент поэмы (главы с семнадцатой по тридцать седьмую), который 'Аттар посвящает расспросам птиц. Каждая глава представляет собой отдельную беседу, которая дублирует структуру разговоров в блоке «Извинения птиц». Начинается беседа с вопроса птицы, за которым следует ответ удода, подкрепленный пояснением в виде нескольких притч. В этом обширном разделе обсуждается немало важных вопросов, к примеру: как избавиться от пороков и пагубных привязанностей, мешающих странствию, почему суфий не должен бояться смерти, как приобщить душу к добродетели и в чем заключается суфийская добродетель и т.д.

Главы с тридцать восьмой по сорок четвертую посвящены описанию «семи долин» (*хафт вади*), которые ожидают птиц на пути к Симулгу:

³¹ Анализ притчи о шейхе см. в статье: Федорова Ю.Е. «Переход «явное – скрытое» как механизм формирования смысла поэтического текста: беседы шейха Сан'ана с его учениками в поэме 'Аттара «Язык птиц»» // Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / Отв. ред. выпуска А.В. Смирнов. *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXVII. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 469-490.*

3208. В начале пути — долина искания,
 Прямо за ней — долина любви.
 3209. Третья долина — долина [обретения]
 знания.
 Четвертая — долина ненуждаемости.
 3210. Пятая долина — чистое единение,
 После нее — долина мучительной растерян-
 ности.
 3211. Седьмая — долина нищеты и гибели.
 После нее твое путешествие будет окончено.

Сама структура поэмы подводит нас к понятию «путь к Истине». В его основе лежит представление о том, что движение по пути (*тарикат*) предполагает прохождение череды «стоянок» (*макам*), каждую из которых должен «закрепить» за собой суфий. Рассматривая поэму ‘Аттара в контексте суфийского учения, логично предположить вслед за многими исследователями, что автор дает поэтическое описание суфийского пути к Богу (*тари-кат*). Специфика ‘аттаровского понимания «пути к Истине» раскрывается в описании «семи долин» (*хафт вади*): 1) долина искания (*талаб*); 2) долина любви (*‘ишк*); 3) долина [обретения] знания (*ма’рифат*); 4) долина ненуждаемости (*истигна*); 5) долина [признания] единства (*таухид*); 6) долина растерянности (*хайрат*); 7) долина нищеты и гибели (*факр ва фана*).

Описание семи долин Аттара начинается с долины искания (*вади талаб*). Ведущей темой при характеристике этой долины является «внутренняя», скрытая от глаз, душевная борьба, направленная на очищение сердца. Именно поэтому понятие «искание» (*талаб*) тесно связано у ‘Аттара с понятием «трудность» (*та’б*). Более того, по мнению поэта, внутренние изменения сердца должны быть опосредованы изменениями внешними, физическими:

3216. Здесь ты должен оставить богатство,
 Здесь ты должен расстаться с владением.
 3217. Тебе придется идти, [утопая] в крови.
 Тебе придется идти, покинув все, что вне
 [тебя].

Вступая на путь очищения сердца, суфий должен освободиться от всех привязанностей к этому миру. Прежде всего это касается материальных благ — богатства (*мал*) и владения (*мулк*). ‘Аттар убежден, что суфий должен пройти этот сложный путь, покинув все, что вне него, отрекшись от всего внешнего. Тогда наступает момент «внутреннего очищения». Теперь необходимо

очистить сердце от внешних качеств, которые появились вследствие привязанностей к вещам окружающего мира. Только тогда «очищенное» сердце будет готово воспринять и отразить свет божественной Истины:

3218. Когда твое сердце очистится от [внеш-
 них] свойств,
 Засияет [оно] от присутствия света [Боже-
 ственной] сущности.
 3219. Когда тот свет проявится в сердце,
 Искание в твоём сердце усилится в тысячу
 крат.

Таким образом, искание даруется Божественной милостью и только к Богу оно может быть обращено. Божественный свет, преумножающий силу искания, воспринимается только чистой и открытой душой и «проявляется» только в «сияющем» от тщательной «полировки» сердце — зеркале.

Далее следует описание долины любви (*вади ‘ишк*). ‘Аттар предпочитает использовать понятие *‘ишк* — «страстная любовь» и выстраивает описание долины любви таким образом, чтобы прояснить сущность этого особого состояния человеческой души. Ключевым образом, позволяющим поэту реализовать свой замысел, является образ «огня», который он вводит в самом начале описания этой долины:

3213. Вслед за этой [долиной] появится до-
 лина любви.
 Тот, кто доберется туда, утонет в огне.
 3214. Только огнем да будет всякий в этой
 долине!
 А тому, кто не огонь, наслаждение не в ра-
 дость.

Долина любви — «огненная долина». Здесь путник оказывается во власти испепеляющего огня, который, по сути своей, является воплощением истинной любви к Господу. Поэтому тот, кто стремится к богопознанию, должен встать на путь любви. Истинный влюбленный, согласно поэтическому описанию ‘Аттара, должен гореть в огне (и в этом, метафорическом, смысле уподобиться огню).

‘Аттар говорит о «любви» не только как об особом душевном состоянии, но и как о способе познания Истины. Описывая отношения Бога и человека, ‘Аттар использует понятие «любовь»,

точнее «страсть», выстраивая поэтическую и понятийную оппозицию «любовь» — «разум»:

3225. Там любовь — огонь, а разум — дым.
Когда приходит любовь, разум миг обращается в бегство.

Заканчивая описание долины любви, 'Аттар отмечает, что путь любви потребует от суфия опытности и свободы от привязанностей к миру. Человека, не открывшего в себе любви, поэт называет «мертвецом», потому что только человек с «живым», т.е. любящим, сердцем способен познать Истину.

Вслед за долиной любви Аттар переходит к описанию третьей долины — долины [обретения] знания (*вади ма'рифат*). Хотя часто название этой долины переводят как «долина познания» или «долина мистического знания», важно отметить, что сам 'Аттар не конкретизирует понятие *ма'рифат*. В этой долине, согласно описанию 'Аттара, происходит восприятие знания как такового, а какова его природа, только предстоит выяснить. 'Аттар называет это долину «запутанной» (*би на ва сар*), т.е. невозможно определить, где начало, а где конец. В этой долине великое множество путей (*рах*), каждый странник оказывается перед выбором своего пути:

3460. Перед каждым, несомненно, появится лишь тот путь,
Который ему по силам одолеть.
3461. Сможет ли на этом славном пути
Немощный паук стать спутником слону?

Каждому страннику, исходя из его способностей, познания и опытности, будет дарован собственный путь. И потому «паук», как более слабый с точки зрения обретенного им знания, никогда не станет спутником «слону». 'Аттар говорит о том, что каждому может быть открыто знание, но не во всей полноте. Все зависит от способностей человека.

3462. Странствие каждого будет [продолжаться] до совершенства.
Близость [к Богу] каждого будет сообразна его состоянию.
3463. Полети комар хоть изо всех сил,
Сможет ли он сравниться в совершенстве с ветром?
3464. Несомненно, поскольку странствия столь различны,

Птицы никогда не будут странствовать общим путем.

3465. Потому и познания здесь различны:

Один нашел михраб, другой — кумира.

3466. Когда солнце знания воссияет
На небесах, [двигаясь] по своему возвышенному пути,

3467. Каждый станет видящим, сообразно своим силам,

Истинно обретет свое место.

'Аттар говорит, что каждый путник будет странствовать до тех пор, пока не достигнет совершенства. Но совершенство это относительно («комар не сравнится в совершенстве с ветром»). Совершенный человек — тот, кто достиг полного самопознания, т.е. знает о себе в Боге. «Комар» и «паук» символизируют тех, кто в силу несовершенства души и тела не может достичь полного богопознания. Поэтому кто-то из путников выбирает верное направление (*михраб*) и обретает Истину, а кто-то находит неподлинного Бога, которого символизирует кумир. Показателем истинности обретенного знания является способность уразуметь истинное соотношение Бога и мира. Это знание (*ма'рифат*) 'Аттар сравнивает с «солнцем» (*афтаб*), которое внезапно «освещает» путника и дает возможность увидеть, каким путем он идет.

Далее следует описание долины ненуждаемости (*вади истигна*). В персидских словарях суфийских терминов *вади истигна* переводят также и как «долина отсутствия желаний», подразумевая такое состояние души суфия, когда любовь и желание созерцать Господа поглощают все остальные чувства:

3558. Вслед за ней появится долина ненуждаемости.

Там нет ни притязаний, ни представлений.

3559. Дует могучий ветер ненуждаемости,
Каждую минуту сметает целую страну.

3560. Здесь семь морей³² — словно один пруд.
Здесь семь светил³³ — словно одна искорка.

³² Семь морей — т.е. все водные запасы земли, все моря и океаны. В исследовательской литературе приводятся разные названия «семи морей», о которых ведет речь 'Аттар. Наиболее часто встречаются следующие: Средиземное море, Персидский залив, Черное море, Красное море, Мраморное море, Индийский океан, Атлантический океан.

³³ Семь светил — речь идет о всех известных астрономии

3561. Там увяли и восемь райских садов.
Словно мерзлый лед семь адов³⁴.

Затем 'Аттар переходит к описанию долины признания единства (*вади таухид*), где ведущей темой становится утверждение принципа *таухид*. Основной акцент в поэтическом раскрытии этой темы автор ставит на соотношения понятий «единный» и «один»:

3675. Если увидишь большое число или малое,
На этом пути то будет одно, без сомненья!
3676. Если примешься бесконечно умножать
один на один,
Умножая тот один на один, всегда получишь
один.
3677. Тот один, который единый, не похож,
как тебе подумалось,
На того одного, что является в числе.
3678. Поскольку тот [Единый] вне границ и
счета,
Отведи взор от предвечности и вечности.

Описание долины признания единства сменяет характеристика долины растерянности (*вади хайрат*). Понятие «растерянность» как способ богопознания раскрывается 'Аттаром через соотношение противоположных состояний, между которыми осуществляется постоянный переход:

3786. Если спросят его: «Ты есть или нет?
[Или] ты не в силах ответить, есть ты или
нет?
3787. Внутри ты или снаружи,
В стороне, сокрыт ты или явлен.
3788. Ты исчез или пребываешь [в Боге], или
и то, и другое,
Или ты ни то и ни другое? Или не ты?»
3789. Он ответит: «Я совсем не знаю само-
го себя.
И не ведаю, что такое это “не знаю”.
3790. Я влюблен, но не знаю в кого.
Не мусульманин я, не неверный, тогда кто я?»

Наконец, наступает черед последней долины — долины нищеты и гибели (*вади факр ва*

фана). В описании этой долины поэтическая часть почти полностью преобладает над понятийной, образ поясняется через другой образ и т.д. Сам 'Аттар объясняет этот способ подачи поэтического материала следующим образом:

1. Дальше будет долина нищеты и небытия.
Как же там вести беседу?
2. Суть этой долины — забвение,
Безмолвие, глухота и бесчувствие.
Состояние *фана* метафорически описывается 'Аттаром как погружение в «море красоты», которое в персидской поэтической традиции символизирует Бога:

3934. Но если в это море попадет чистый
[муж],
От его существования не останется ни
следа.
3935. Его движения сольются с движениями
моря.
Когда его не станет, он окажется внутри
[моря] красоты.
3936. Если это случится, не будет его, и он
будет.
[Понимание] этого находится за пределами
разума.

Примечательно, что 'Аттар не упоминает, как птицы преодолевают эти «семь долин». Раздел поэмы, посвященный описанию долин, словно выпадает из всего повествования: сначала идет речь удода о том, какие долины ожидают птиц, потом последовательно описывается каждая из долин, причем в этом описании уже не говорится ни слова о птицах, а в конце раздела 'Аттар говорит о том, что в путешествие отправились сотни тысяч птиц, а теперь осталось только тридцать.

Завершает основное повествование сорок пятая глава, которая является кульминацией поэмы. Только тридцать птиц (*си мург*) достигают конечной цели странствия, — Симурга, в котором как в зеркале видят самих себя и понимают, что они и есть Симург. Здесь особая роль отводится образу зеркала, с привлечением которого 'Аттар описывает соотношение «тридцать птиц (*си мург*) царь птиц (*Симург*)». Эта зеркальность проявляется как в визуальном аспекте (идентичность написания), так и в звуковом (схожесть звучания, омонимия). Установление отношения зеркальности применительно к данным поэтическим конструктам, позволяет 'Аттару задать новый способ

того времени светилах, таких как: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн, за исключением созвездий.

³⁴ Отсылка к аяту (15:43-44): «И поистине, геенна — место им назначенное всем! У нее — семь врат, и у каждых врат из них — отдельная часть».

описания реальности. В соотношении понятий *си мург* — *Симург*, которое выстраивает автор, мир символизируют *си мург* (тридцать птиц), а Симург является метафорой Бога. Переходя от поэтического описания к философскому и истолковывая соотношение мир-Бог как зеркальное, 'Аттару удастся снять дихотомическое разделение реальности на два полюса «Бог» и «мир» не утверждая их абсолютного единства.

В финальной части поэмы 'Аттар во всей полноте раскрывается и поэтический конструкт «Симург». Симург — это не только олицетворение божественной реальности, этот образ намного сложнее в смысловом отношении. Симург — это еще и истинная суть человека, та самая «сокровенность» (*сирр*), «имманентная человеку тайна», о которой так много писали суфийские мыслители, частица божественного в человеке. Сердце-зеркало суфия, познавшего себя, свою душу, отражает Бога. С описания Симурга начинается странствие птиц, и этим же описанием оно и завершается. В подтверждение вышесказанного можно привести известный хадис, который стал бы прекрасным эпиграфом к поэме 'Аттар: «Кто познал душу свою, тот познал своего Господа»³⁵. Таким образом, 'Аттар в аллегорической форме излагает важнейший постулат суфийского учения о том, что только через самопознание, познание собственной души можно познать Бога. Но поэт не ограничивается описанием состояния *фана'*, которого достигают птицы, и указывает, что за ним следует *бака'*, когда птицы вновь обретут себя в Симурге, но чтобы описать это состояние, нужно сочинять новую книгу.

На этом заканчивается основная часть поэмы «Язык птиц», далее следует эпилог (*хатиме*). Он не дробится на мелкие главы и представляет собой единый смысловой фрагмент. Это одно из немногих мест в поэме, где 'Аттар говорит от собственного имени, не вкладывая свои слова в уста вымышленного героя. Именно в заключении он подводит итог написанной поэме, рассуждает о назначении поэзии и цели создания поэмы. Прежде всего 'Аттар отмечает, что не всем под силу уразуметь «Язык птиц». Только тот, кто, подобно ему самому, смотрит на мир сквозь призму боли, страданий и разочарований, сможет

открыть для себя подлинный смысл поэмы. Поэт признается, что писал «Язык птиц», чтобы пробудить людей от долгого сна неведения, явить им тайну души-птицы и указать путь к Истине. Завершает эпилог рассуждение 'Аттар о том, что он творит по велению сердца. Пока его сердце будет наполнено болью и печалью, он не сможет расстаться с пером.

Как отмечает поэт, смысл поэмы «Язык птиц» будет открываться постепенно, необходимо несколько раз перечитать ее. Безусловно, при переводе и исследовании поэмы необходимо учитывать эту особенность. Тогда нам будут открываться все новые и новые пласты смысла. Именно в этом интерес и притягательность поэмы для изучения.

Итак, поэма «Язык птиц» в аллегорической форме излагает суфийскую концепцию богопознания. По своей структуре она представляет собой описание суфийского пути к Истине, в основе которого лежит представление о «путешествии», или «движении» в понимании природы связи птиц и Симурга. Как следует из текста поэмы, в основе понимания соотношения птиц и Симурга лежит их связь по принципу «зеркальности». Таким образом, «зеркальность» птиц и Симурга выглядит так, что птицы — «явное», и Симург — «скрытое» для птиц и для всего мира, независимо от того, знают об этом птицы или нет. Существование этой связи является условием «путешествия» птиц к Симургу. Нет Симурга, нет оснований его искать. Иными словами, стремление найти царя-Симурга заложено в природу птиц.

Вся поэма «Язык птиц» выстраивается 'Аттаром таким образом, чтобы постепенно, шаг за шагом, раскрыть содержание понятия «странствие». Учитывая описанную выше структуру поэмы, необходимо отметить, что понятие «странствие» должно быть истолковано как процесс раскрытия уже существующей изначально связи «птицы — Симург», которая иллюстрируется с привлечением образа «зеркала». Это «странствие» понимается как движение к Истине, к пониманию соотношения мир-Бог (птицы-Симург), познанию истинного устройства мироздания.

³⁵ Данный хадис можно также перевести и следующим образом: «Кто познал самого себя (нафс), тот познал своего Господа». Этот вариант перевода возможен т.к. арабское слово «нафс» здесь имеет значение и «душа» и «сам».

Список литературы:

1. Аттaр, Фарид ад-Дин Мухаммад. Логика птиц / Пер. с персидского. М.: Номос, 2009.
2. Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV вв. М., 1997.
3. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
4. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература М., 1965.
5. Attar and the Persian Sufi Tradition: the art of spiritual flight/edited by Leonard Lewisohn and Christopher Shackle. London; New York: I.B. Tauris; London: in association with the institute of Ismaili Studies, 2006.
6. Fifty poems of 'Aṭṭār / texts, translations and analysis by Kenneth Avery and Ali Alizadeh. Melbourne: re.press, 2007.
7. Furuzanfar, B. Sharh-i ahwal wa naqd-u tahlil-i athar-i Shaykh Farid al-Din Muhammad 'Attar-i Nishapuri. 2nd ed. Tehran, 1994.
8. Mantiq al-tayr. Asar-i Farīd al-Dīn Aṭṭār Nishapuri. Bar asas-i nushe-i Paris. Tashih va sharh: duktur Kazim Dizfuliyān. Tehran: Istisharat-i Tilayia, 1998.
9. Manteq at-Tayr/Attar (Farid ad-Din Muhammad ben Ibrahim Nishaburi); muqaddamah, tashih va taaliqat-i Muhammad Reza Shafii Kadkani. Tehran, 2009.
10. Aṭṭār, Farīd al-Dīn. The Conference of the Birds. Translated with an introduction by Afkham Darbandi and Dick Davis. The Penguin classics. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books, 1984.
11. Persian Literature — A Biobibliographical Survey: Volume V, Poetry of the Pre-Mongol Period by Francois de Blois, Second, Revised edition, Routledge, 2004.
12. Smith, M. The Persian Mystics: 'Aṭṭār. The Wisdom of the East. Felinfach. UK: Llanerch, 1995.

References (transliteration):

1. Attar, Farid ad-Din Mukhammad. Logika ptits / Per. s persidskogo. M.: Nomos, 2009.
2. Bertel's A.E. Khudozhestvennyy obraz v iskusstve Irana IX-XV vv. M., 1997.
3. Bertel's E.E. Istoriya persidsko-tadzhikskoy literatury. M., 1960.
4. Bertel's E.E. Izbrannyye trudy. Sufizm i sufiyskaya literatura M., 1965.
5. Attar and the Persian Sufi Tradition: the art of spiritual flight/edited by Leonard Lewisohn and Christopher Shackle. London; New York: I.B. Tauris; London: in association with the institute of Ismaili Studies, 2006.
6. Fifty poems of 'Aṭṭār / texts, translations and analysis by Kenneth Avery and Ali Alizadeh. Melbourne: re.press, 2007.
7. Furuzanfar, B. Sharh-i ahwal wa naqd-u tahlil-i athar-i Shaykh Farid al-Din Muhammad 'Attar-i Nishapuri. 2nd ed. Tehran, 1994.
8. Mantiq al-tayr. Asar-i Farīd al-Dīn Aṭṭār Nishapuri. Bar asas-i nushe-i Paris. Tashih va sharh: duktur Kazim Dizfuliyān. Tehran: Istisharat-i Tilayia, 1998.
9. Manteq at-Tayr/Attar (Farid ad-Din Muhammad ben Ibrahim Nishaburi); muqaddamah, tashih va taaliqat-i Muhammad Reza Shafii Kadkani. Tehran, 2009.
10. Aṭṭār, Farīd al-Dīn. The Conference of the Birds. Translated with an introduction by Afkham Darbandi and Dick Davis. The Penguin classics. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books, 1984.
11. Persian Literature — A Biobibliographical Survey: Volume V, Poetry of the Pre-Mongol Period by Francois de Blois, Second, Revised edition, Routledge, 2004.
12. Smith, M. The Persian Mystics: 'Aṭṭār. The Wisdom of the East. Felinfach. UK: Llanerch, 1995.